

DOI: 10.31857/S013038640028924-4

© 2023 г. Д.В. КОЗЛОВ

ДЖЕЙМС ХАРРИНГТОН И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ ИСТОРИИ – ОТ НАРРАТИВА К ТЕОРИИ

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

E-mail: mimoirk@hist.isu.ru

Scopus Author ID: 57192025641; ORCID: 0000-0001-9170-5644

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов на исторический процесс известного английского политического деятеля и философа XVII в. Джеймса Харрингтона на основе анализа ряда текстов самого Харрингтона и его оппонентов. При этом теоретические подходы к истории рассматриваются в широком контексте изменения отношения к этой науке в Европе в период Ренессанса и раннего Нового времени. В работах Харрингтона можно найти сочетание традиционных взглядов, в соответствии с которыми история являлась набором фактов о прошлом человечества, призванных обосновать правильность политических позиций автора, и новых, связанных с осознанием глубоких различий между прошлым и настоящим, и невозможности прямого переноса исторических моделей социального и государственного устройства в современные реалии. Автор рассматривает ряд дискуссий Харрингтона с другими мыслителями, посвященных анализу разных исторических событий и явлений, в частности политических моделей античной Спарты и Древнего Израиля, а также влияние этих дискуссий на сложный процесс выработки отношения философа и его оппонентов к различным типам государственного правления. Харрингтон смог найти новые подходы к анализу причин Гражданской войны в Англии в XVII в., а предлагаемые им интерпретации динамики развития общества во многом связаны с его видением взаимодействия экономических условий (баланса земельной собственности) и форм политической власти (монархия, аристократия, республика). Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что Харрингтон в своих исторических подходах интересным и оригинальным образом сочетает простое описание фактов и стремление к созданию и развитию политической теории, претендующей на анализ динамики исторических событий и на выработку различных позиций, связанных с республиканской традицией.

Ключевые слова: Джеймс Харрингтон, историки, историческая наука, исторические исследования, историография английская, методология истории, республика, Англия, утописты.

D.V. Kozlov

James Harrington and His Perception of History: From Narrative to Theory

Kozlov Dmitry, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

E-mail: mimoirk@hist.isu.ru

Scopus Author ID: 57192025641; ORCID: 0000-0001-9170-5644

Abstract. In the article, the author tracks the dynamics of the views on history of the well-known seventeenth-century English politician and philosopher James Harrington, considering and

analysing them in the broad context of changing attitudes to history in Europe during the Renaissance and Early Modern period. The author maintains that in Harrington's texts one can find a combination of traditional approaches, characterised by an attitude to history as a set of historical arguments in favour of different political positions, and new approaches, associated with an awareness of the differences between the past and the present and the impossibility of direct application of historical models to the present. He examines a number of discussions between Harrington and his contemporaries devoted to analysing various historical events and processes. In particular, the author examines the different assessments of the political structure of ancient Sparta and ancient Israel. He demonstrates the influence these assessments had on the complex formation of Harrington's and his contemporaries' attitudes towards different models of political government, such as the republic. The author examined the novelty of Harrington's position in terms of analysing the causes of the Civil War in seventeenth-century England. New interpretations of the dynamics of societies' political development proposed by Harrington are largely related to his vision of the interaction between economic conditions (balance of land ownership) and political power in its various forms (monarchy, aristocracy, republic). A key conclusion of the study is that Harrington's historical approaches combine, in an intriguing and imaginative way, mere historical description as a narrative practice with a desire to create and develop a political theory that claims to analyse the dynamics of historical events and to elaborate the various political positions associated with the republican tradition.

Keywords: James Harrington, historians, historical science, historical research, English historiography, methodology of history, republic, England, utopians.

Работы известного английского политического философа и общественного деятеля XVII в. Джеймса Харрингтона (1611–1677) наполнены различными историческими описаниями и отсылками к событиям и процессам, происходившим в Античности и в Средневековье. Все они связаны с республиканской политической теорией этого мыслителя и предлагаемой им конституционной системой утопического государства «Океания», устройство которого базируется на доминирующим режиме собственности на землю («аграрный баланс»). Целью нашего исследования является анализ взглядов Харрингтона на историю. В соответствии с данной целью можно выделить следующие задачи: 1) анализ специфики подходов философа к историческим изменениям; 2) рассмотрение оценок Харрингтоном отдельных примеров конституционного строя в прошлом (Древний Израиль, Спарта) и дискуссий, связанных с этими оценками; 3) выявление новизны его интерпретаций политического кризиса в Англии в XVII в.; 4) раскрытие особенностей подходов мыслителя к методологии исследования исторической трансформации общества.

В основном труде Харрингтона «Республика Океания», опубликованном в 1656 г., описание утопического идеального государства дополняется анализом исторического развития двух эпох: «древней мудрости» и «современной мудрости». В то же время за названием «Океания» скрывается современная Харрингтону Англия. Интерпретация философом конкретных исторических событий, а также описание им конституционных моделей прошлого вызвала острые дискуссии с современниками. В этой связи можно упомянуть споры о специфике политического устройства Древнего Израйля с Мэтью Реном и Питером Хейлином или о «правильном» понимании формы правления в античной Спарте с теми же мыслителями и Генри Стаббом, речь о которых пойдет ниже.

Дискуссии об истории в XVII в. носили и более общий методологический характер. По мнению ряда исследователей, в рассматриваемый период идеалы Ренессанса с его преклонением перед Античностью как источником идей и моделей в разных сферах общественной жизни сталкивались с набирающей мощь концепцией историзма¹. Представление о резко отличии прошлого от настоящего получало все более широкое распространение. В этом контексте было гораздо сложнее использовать античные идеи для

¹ Эти изменения подробно рассмотрены в книге: *Burrow J.W. A History of Histories: Epics, Chronicles, Romances & Inquiries from Herodotus and Thucydides to the Twentieth Century.* Harmondsworth, 2007.

разрешения актуальных проблем. В произведениях Харрингтона прослеживается влияние ренессансного отношения к истории. В частности, речь идет о попытке применения исторических моделей в целях решения современных политических вопросов. Вместе с тем его тексты отличает и более сложный подход к анализу государственного устройства, а также к вопросу зависимости формы правления от уровня социально-экономического развития общества. Согласно Харрингтону, политическое развитие нельзя свести лишь к проецированию античных моделей на реалии XVII в.

В эпоху Ренессанса изучение классических текстов все больше развивается от *vita contemplativa* (лат. — созерцательная жизнь) к *vita activa* (лат. — деятельная жизнь). Писать о прошлом стараются уже не только в теологическом, астрологическом или апокалиптическом контекстах, но и с учетом моральных аспектов, с соответствующими предположениями и примерами. История рассматривается как источник разнообразных политических моделей. В то же время ее изучение дает основание для вынесения нравственных суждений и выводов в отношении тех или иных форм правления и государственного устройства.

При изучении классических текстов все чаще используются познания в области филологии и архивные поиски. Данный подход переносится и на прочтение библейских текстов, а затем и на попытки осмысления европейского прошлого, включая правовые основы и институты западной цивилизации. Римское право начинает рассматриваться как «продукт истории». Изучение прошлого развивается в направлении поиска истоков общественного развития, прав, прецедентов для последующего использования полученных знаний в политических и конституционных дебатах. Историки до сих пор спорят о времени возникновения этих подходов. Одни специалисты относят их появление к XIX в., другие — к более раннему периоду. Например, исследователи классического республиканства Ханс Барон и Джон Гревилл Агард Покок указывают на поздний Ренессанс и раннее Новое время². При этом для всех мыслителей, отстаивавших республиканскую форму правления, время остается цикличным. Отсюда постулируется сходство моделей в прошлом и настоящем, их потенциальная применимость к современным условиям, а также возможность существования и воспроизведения знаменитого «момента Макиавелли» Покока³.

Итальянский мыслитель Леонардо Бруни, представитель классического Ренессанса, считал, что история важна не сама по себе, а с точки зрения ее «полезности» для современной жизни⁴. Для Никколо Макиавелли события прошлого служили источником политических уроков, а не основой для анализа динамики перманентных изменений⁵. Подобно Макиавелли, Харрингтон пытается использовать историю в политических целях. Его модель утопического государства Океании строится на основе анализа конституционного опыта древних и «новых» республик. Глава Океании Лорд Архонт призван использовать архивы «древней мудрости». Исследователь творчества Харрингтона Чарльз Блитцер утверждает, что у философа отсутствовала развитая историческая методология. По мнению ученого, в «Республике Океания» и других произведениях Харрингтона прошлое предстает как перечень фактов, знание которых можно использовать по собственному усмотрению⁶. Другие специалисты оспаривают данную точку зрения, указывая, в частности, что в этих трудах

² Pocock J. G. A. *Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History*. Cambridge, 1971. P. 80–103; Baron H. *In Search of Florentine Civic Humanism: in 2 vols. Vol. 2. Essays on the Transition from Medieval to Modern Thought*. Princeton, 1988. P. 55–71.

³ В классической работе Покока под «моментом Макиавелли» понимается ситуация неизбежного коллапса республиканского политического устройства, обусловленного кризисом добродетели и комплексным социальным процессом разложения государств с этой формой правления. См. русский перевод монографии: Покок Д. Г. А. Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.

⁴ Брагина Л. М. *Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков*. М., 1977. С. 118–135.

⁵ Макиавелли Н. *Рассуждения о первой декаде правления Тита Ливия // Макиавелли Н. Сочинения*. СПб., 1998. С. 123–198.

⁶ Blitzer C. *An Immortal Commonwealth: The Political Thought of James Harrington*. New Haven, 1960. P. 284.

присутствует идея использования истины исторического опыта⁷. Так, например, Совет законодателей Океании занимается не только изучением политических моделей прошлого, но и их оценкой, пытаясь определить, какая из них больше всего подходит для республики⁸.

Обсуждение вопросов, связанных с понятием *The Commonwealth of Israel* (англ. — «Содружество Израиля» или «Республика Израиля»), встречается в разных произведениях философа, например в «Республике Океании» и «Искусстве законодательства». Само использование ветхозаветной социальной и политической модели вызывало у критиков Харрингтона множество возражений. Они указывали, что события древней истории Израиля вообще бессмысленно процировать на другие страны и эпохи. В частности, отмечалась уникальность ветхозаветного опыта, связанного с Божественным Откровением. С точки зрения оппонентов Харрингтона, в данном случае речь шла о деяниях Господних, а не человеческих. К тому же указывалось на эксклюзивность «республики» (имеется в виду домонархический период истории Израиля) и ее конституционных структур, предназначенных только для евреев, подобно обрезанию, субботе или кошерной пище⁹. Размышляя о Древнем Израиле, Харрингтон не отрицает важность Божественного начинания. При этом с точки зрения типологии политической модели он ставит «ветхозаветную республику» в один ряд с Римом, Спартой и Афинами. Объединение греческой и римской мысли с христианской этикой и политическими институтами Древнего Израиля встречается как у итальянских гуманистов, так и у деятелей Реформации, например у Эразма Роттердамского, Жана Бодена, Теодора Безы¹⁰. Некоторые мыслители постреформационного периода, например Гуго Гроций, Бенедикт Спиноза, Джон Селден, Джон Толанд, Петрус Куней, также использовали Пятикнижие Моисея для обоснования конституционной модели¹¹. Подобный синкретизм традиционно восходит к еврейскому историку I в. Иосифу Флавию, автору написанных на греческом языке произведений «Иудейские древности» и «Иудейская война». Флавий рассказывал о прошлом народа Израиля, используя понятия классической политической философии, включая такой термин, как «теократия» или «правление Господа». Его «Иудейская республика» не вписывалась в аристотелевские концепты «правильных» и «извращенных» форм правления, однако автор встраивал ее в ряд других античных моделей. Таким образом, размышления о «Республике Израиля» образуют целую историческую традицию.

С точки зрения Харрингтона, библейский «юбилейный закон» являлся воплощением *lex Agraria Hebraeorum* (лат. — «Еврейский земельный закон»¹²). Отталкиваясь от интерпретации ветхозаветных заповедей, касающихся режима владения землей, как аграрного закона, данного Господом, голландским христианским мыслителем Петрусом Кунеем, Харрингтон получал возможность проводить параллель между ними и предлагаемыми им моделями фиксации и контроля баланса собственности в идеальном государстве¹³.

⁷ *Smith N.* Literature and Revolution in England, 1640–1660. New Haven, 1994. P. 166.

⁸ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington: in 2 vols. Vol. 1 / ed. J.G.A. Pocock. Cambridge, 1977. P. 69–71.

⁹ *Harrington J.* Pian Piano. Or, Intercourse between H. Ferne, Dr. in Divinity and J. Harrington, Esq. Upon occasion of the Doctors Censure of the Common-wealth of Oceana. London, 1656/57. P. 2–3, 13–16; *Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's Common-wealth of Oceana. London, 1657. P. 39–40; *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare, or the Letter-Combate. London, 1659. P. 266, 275.

¹⁰ Итальянская исследовательница Леа Кампос Боралеви использует понятие «синкретизм» для обозначения этого феномена. См.: *Boralevi L.C.* James Harrington's "Machiavellian" anti-Machiavellism // *History of European Ideas*. 2011. Vol. 37. № 2. P. 113–119.

¹¹ *Nelson E.* The Hebrew Republic: Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010. P. 89.

¹² В данном случае речь идет о разных режимах владения землей в Древнем Израиле, которые основывались на заповедях из 25 главы библейской Книги Левит. Так называемый «юбилейный год» также связан с предписанием из этой главы: «...И освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратится в свое племя» (Лев. 25:10).

¹³ Как мы уже указывали, по Харрингтону, политическое устройство любого государства всегда связано с доминирующим режимом собственности на землю («аграрным балансом»).

А это уже не было конвенциональным даже для республиканцев – и Никколо Макиавелли, и Марчмонт Нидхэм отрицали аграрные законы. Другая важная особенность интерпретации Кунея была связана с его эрастианством¹⁴. По мнению голландского мыслителя, Бог наделил властью и в гражданских, и в религиозных делах лишь один институт – светский магистрат. С его точки зрения, одна юридическая инстанция также лучше двух – и это Синедрион¹⁵. Такое представление, связанное с «Республикой Израиля», было достаточно распространено – его придерживались Томас Эраст, Гуго Гроций, Джон Селден и Томас Гоббс. Харрингтон был ближе к данному направлению, подчеркивавшему необходимость подчинения церковных институтов светским властям, чем к религиозным республиканцам – Джону Мильтону, Генри Вену, Генри Стаббу, которые выступали за теократическое правление, но при этом проводили различие между «Республикой Израиля», законы которой были дарованы Господом, и современными им республиками. С их точки зрения, в актуальных на тот момент условиях следовало придерживаться четкого разделения государства и Церкви. К следам эрастианского влияния относится и идея восприятия Моисея как светского законодателя. На форзаце книги Джона Толанда, посвященной Харрингтону, Моисей изображен вместе с Солоном и Ликургом¹⁶. Харрингтон подчеркивает, что при формировании конституционной модели Древнего Израиля пророк получал советы от своего тестя Иофора, язычника. Автор «Республики Океания» видит в этом проявление готовности Господа использовать для законодательного строительства человеческую мудрость без всяких ограничений, а также довод в пользу возможности рассмотрения ветхозаветного Израиля в контексте других сообществ с республиканской формой правления, таких как Венеция или Рим. По мнению современного исследователя Э. Нельсона, возрождение интереса к данной тематике в XVI–XVII вв. способствовало развитию политической аргументации идеи исключительности республиканского строя как в самой Англии, так и в ее американских колониях¹⁷. Нельсон указывает, что существует множество талмудических толкований отрывков из Второзакония и Первой книги Царств, касающихся обращения израильтян к Богу с просьбой о царе. В одном из таких толкований обосновывается идея, согласно которой Господу было угодно лишь монархическое правление. Однако существует и иная интерпретация этих библейских текстов, связанная в том числе с Иосифом Флавием: обращаясь к Господу с чаянием о царе, израильтяне в данном вопросе отходят от Его законов и стремятся к подчинению не Божественной, а человеческой власти, становясь виновными в грехе идолопоклонства. Это формирует взгляд на монархию как на изначально богопротивную форму политического устройства. Э. Нельсон относит Харрингтона к представителям данной традиции¹⁸. Он подчеркивал наличие республиканских элементов в иудейской конституционной системе, в отличие от тех мыслителей, которые обосновывали идею доминирования в Древнем Израиле монархического строя. Оппоненты Харрингтона, Ферн и Хейлин, вслед за Т. Гоббсом указывают на то, что Моисей был «царем» (если не титулованным, то фактическим), имевшим возможность править еврейским народом по собственному

¹⁴ Эрастианство – направление религиозной мысли в Англии и Шотландии XVI–XVII вв., представители которого считали, что церковные организации не должны иметь никакой дисциплинарной власти над своими членами. Названо по имени Томаса Эраста, немецкого и швейцарского протестантского богослова, естествоиспытателя и врача. Под флагом эрастианства часть мелкого английского дворянства боролась как против пуританской, так и против католической аристократии.

¹⁵ Boralevi L. C. Op. cit. P. 113–119.

¹⁶ Форзац книги: *Harrington J. The Oceana and other works of James Harrington Esq; Collected, Methodiz'd, and Review'd, with an Exact Account of his Life Prefixed, by John Toland. To which is added, an Appendix, containing all the Political Tracts wrote by this Author, Omitted in Mr. Toland's Edition.* London, 1737.

¹⁷ Nelson E. Op. cit. P. 23–56.

¹⁸ Ibidem.

соизволению¹⁹. Для Ферна и Хейлина семьдесят старейшин, избранных Моисеем по совету Иофора, были скорее судьями низшего ранга, помощниками Моисея в деле отправления правосудия, чем персонами, облеченными властью в соответствии со своими правами. Согласно Харрингтону, семьдесят членов Синедриона избирались всенародно, а не назначались сверху. Наличие народного согласия относительно деятельности судей было для него критически важным. Этот общественный консенсус проявлялся не только в выборе членов Синедриона, но и в принятии законов. Поэтому Харрингтон рассматривал Израиль не только как республику, но и как демократическое государство²⁰. Все это отличает его отношение от подходов Мильтона и других республиканцев. С точки зрения Харрингтона, ключевой особенностью конституционного устройства «Республики Израила» являлось не отсутствие царя, а наличие народовластия²¹. Философ проводит интересные параллели между свободой совести человека и институтом голосования. Божественные законы могут быть приняты только при условии наличия свободы совести, т.е. путем голосования²². Согласно Харрингтону, Божественное волеизъявление связано скорее не с республиканской моделью, а с демократической. Изначально Господь основал Израиль как республику, или режим народного правления, а институт монархии является более поздним «человеческим изобретением». Ответ Господа на просьбу израильтян о том, чтобы ими правил смертный царь, демонстрирует подчинение Бога воле народа. Несмотря на то что содержание просьбы может не нравиться Господу, Он удовлетворяет ее²³. Харрингтон пытался обосновать пользу демократической модели государственного устройства, связанной с народным согласием.

Другим примером проявления специфики исторических взглядов Харрингтона является его интерпретация конституционной модели Спарты. По мнению исследовательницы Элизабет Роусон, изучавшей рецепцию спартанского наследия в Европе, рассказ Харрингтона о Лакедемонской республике необычайно содержателен для того времени²⁴. Обращение к опыту этого античного государства играет важную роль в его политической теории. Текст «Республики Океании» изобилует ссылками на историю Спарты. Как и в случае с Древним Израилем, ее изучение давало возможность разработки социально-политической модели, в рамках которой «квазибожественный» единоличный законодатель начинает свою конституционную деятельность с юридического закрепления народного раздела земли²⁵.

Харрингтон выделял два основных критерия демократического государства — свободно избираемый сенат и право народа влиять на конечное решение. По его мнению, оба этих элемента являлись частью спартанской политической системы. Большинство сената (за исключением двух наследственных царей) избиралось свободным народным голосованием из числа старейших членов общества. Этот законосовещательный орган обладал всеми полномочиями по проведению дебатов, касавшихся ключевых для Спарты вопросов. Окончательное решение по данным вопросам оставалось за Народным собранием. При этом цари и магистраты несли ответственность за принятие законов. Таким образом, описание Харрингтоном спартанской политической системы имело поразительное сходство с его собственным идеальным государством — Республикой Океания. Чтобы провести эту параллель, мыслителю пришлось творчески подойти к исторической хронологии. Например, у него была склонность стирать различия между системой, учрежденной Ликургом, и той, которая существовала после введения в Спарте института «пяти эфоров» (выборные должностные лица, обладавшие широким и не всегда четко зафиксированным кругом полномочий) более ста лет спустя, в середине VIII в. до н.э. Харрингтон

¹⁹ Heylyn P.H. Certamen Epistolare... P. 266, 275. Harrington J. Pian Piano... P. 2–3, 13–16.

²⁰ Harrington J. The Art of Law-giving: in 3 vols. Vol. II. London, 1659. P. 9–12.

²¹ Harrington J. The Prerogative of Popular Government. London, 1657/58. P. 37.

²² Harrington J. The Art of Law-giving. P. 9–12.

²³ Ibidem.

²⁴ Rawson E. The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969. P. 191.

²⁵ Ibid. P. 193.

использовал свидетельства древнегреческого философа и оратора Исократ для характеристики Спарты как народного или демократического государства, не указывая при этом, что в произведениях последнего приводится описание реалий, относящихся к более позднему периоду истории этого античного города, а не ко времени его основания²⁶.

Интерпретация Харрингтоном конституционного строя Спарты обсуждалась его противниками не только в лагере республиканцев, но и роялистов, в том числе такими философами, как Рен и Хейлин. Рен при этом не предлагал альтернативного объяснения спартанской социально-политической системы, а лишь оспаривал ключевые моменты описания Харрингтона, в частности идею юридического закрепления народного раздела земли²⁷. Хейлин, в свою очередь, подчеркивал важность и положительную роль монархических элементов в той конституционной модели, которая сформировалась в Спарте²⁸.

Следует принять во внимание, что в работе «Камень преткновения непослушания и бунта, хитро поставленный Кальвином на пути подданных, обнаруженный, порицаемый и устраненный» Хейлин обсуждает отличия конституционной системы Древнего Израиля от спартанской лишь эпизодически. Последней была посвящена отдельная глава, написанная для опровержения предположения Жана Кальвина о том, что эфоры в Спарте являлись народными магистратами, избираемыми для контроля за деятельностью царей и даже возможного суда над ними (обращение к этому опыту использовалось Кальвином как аргумент в пользу того, чтобы представители разных сословий могли играть аналогичную роль в современных ему европейских странах)²⁹. Харрингтон дал ответ своему оппоненту в тексте «Камень преткновения для непослушания и бунта, хитро приписываемый П.Х. Кальвину, удаленный в письме упомянутому П.Х. от Дж. Х.», где, в свою очередь, вновь доказывал, что Спарта может рассматриваться как республика³⁰.

Харрингтон поставил под сомнение несколько аспектов интерпретации Хейлином Спартанской республики. Во-первых, оспаривалось утверждение о том, что цари Лакедемона являлись абсолютными монархами до периода правления Эврипонта (Еврипонта) в X–IX вв. до н.э., когда в целях завоевания расположения народа они отказались от части властных полномочий. Харрингтон представил действия Эврипонта как свидетельство слабости монархии, а это Хейлин решительно отрицал³¹. Второй аспект касался абсолютного характера власти спартанских царей. С точки зрения Харрингтона, баланс собственности, существовавший в Лакедемоне, означал наличие политических функций, связанных с управлением государством, не только у монарха, но и у представителей знати, и у народа. Поскольку баланс земель был не в пользу царей, и поскольку они не обладали собственным войском, размещенным в военных колониях Спарты, которое могло бы помочь им укрепить личную власть, то у них не было возможности игнорировать требования знати и народа³². Хейлин скептически отнесся к этой идее, настаивая на том, что спартанские цари пришли к власти в Лакедемоне путем завоевания, став абсолютными владыками, и имея достаточно сильную армию для поддержания своего политического статуса³³. Оппонент Харрингтона также высказал предположение, что народ Спарты мало что выиграл от перехода к республике, в итоге получив тридцать (двое царей и 28 членов сената) хозяев вместо первоначальных двух³⁴. На это последовало возражение, связанное

²⁶ *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 5.

²⁷ *Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's... P. 1–5.

²⁸ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 230.

²⁹ *Heylyn P.H.* The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion, Cunningly laid by Calvin in the Subjects way, Discovered, Censured, and Removed. London, 1658. P. 38–69.

³⁰ См.: *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 2. В данном произведении Харрингтон ставит под сомнение отсылки Хейлина к Кальвину.

³¹ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 233, 247.

³² *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 38.

³³ *Heylyn P.H.* Certamen Epistolare... P. 231–236.

³⁴ *Ibidem.*

с тем, что при переходе к республике большинство жителей государства приобрели право влиять на принятие решений по ключевым социальным и политическим вопросам. Это давало народу суверенную власть. В поддержку данного утверждения Харрингтон привел довольно тенденциозный и надуманный аргумент, что, поскольку древнегреческий философ и историк Плутарх ссылается на собиравшийся народ³⁵, при этом прямо заявляя, что последний не обладал правом на дебаты, должно быть, граждане все же имели право голоса, иначе не было бы смысла собираться. Была также использована цитата из произведения Исократы, подчеркивавшая народный характер лакедемонского правления³⁶.

Стабб также стремился интерпретировать конституционный строй Спарты в соответствии с собственными политическими убеждениями. В то время как Харрингтон и Хейлин подчеркивали его демократические и монархические элементы, Стабб в работе «Республика Океания, взвешенная и признанная слишком легкой» отстаивал взгляд на спартанскую форму правления как на олигархическую³⁷. Он утверждал, что политический строй Лакедемона был более совершенным, чем афинская демократия. Кроме того, Стабб одобрял современные ему олигархические режимы. Эта позиция развивалась на фоне политического хаоса в Англии в 1659–1660 гг., связанного с кризисом и падением Протектората, а также дебатов о том, следует ли вводить в конституционную систему новый законодательный институт (сенат или иное собрание представителей наряду с «охвостьем»³⁸) и можно ли доверять осуществлению государственной власти всем гражданам республики.

С самого начала дискуссии Харрингтон обвинил Стабба и его соратников в поддержке олигархии. В своем первом ответе на это обвинение Стабб пытался отстаивать такие идеи, как выборный сенат и ограниченное избирательное право³⁹. Однако, как продемонстрировала в статье «Спарта и Английская республика» британская исследовательница Рэйчел Фоксли, в примечании на полях письма, адресованного Харрингтону, Стабб использовал аргумент, к которому он будет неоднократно прибегать впоследствии, признав, что термин «олигархия» употреблялся им в соответствии с общепринятым негативным определением, но что его также можно понимать и в более нейтральной коннотации. В доказательство этого Стабб привел источник, на который опирались и он, и Харрингтон: «Республика Лакедемон» датского историка Нильса Крага⁴⁰. Краг использовал понятие «олигархия» в нейтральном смысле для описания специфики политического устройства Спарты.

Описание Стаббом спартанского конституционного строя совпадает со взглядами его оппонента на политическую систему, установленную Ликургом, которая, по утверждению Харрингтона, состояла из сената, предлагающего законопроекты, и народа, представленного собранием («апеллой») и принимающего окончательное решение по тем или иным вопросам. Однако Стабб не называет эту форму правления демократической и настаивает на том, что она просуществовала всего 100–130 лет, после чего произошел решительный поворот Спарты в направлении аристократии. По словам Стабба, это было обусловлено тем, что Народное собрание принимало плохие решения. Как следствие, правление было

³⁵ *Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion... P. 5.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Foxley R.* Sparta and the English Republic // *Classical Reception*. 2016. Vol. 8. № 1. P. 54–70.

³⁸ «Охвостье» — принятое в исторической литературе название английского парламента в период с 1648 по 1652 г. После смерти Оливера Кромвеля 3 сентября 1658 г. его третий сын Ричард вступил в должность лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии. В 1659 г. он собирает так называемый «парламент Третьего Протектората». Этот парламент не смог сформировать стабильное правительство, и через семь месяцев армия отстранила его от власти. 6 мая 1659 г. парламент Третьего Протектората переформировался в «охвостье». В некоторых источниках данное собрание именуется как «восстановленное охвостье».

³⁹ *Stubbe H.* A Letter to an officer of the Army concerning a select senate mentioned by them in their proposals to the late Parliament. The necessity and prudentialness of such a Senate is here asserted by reason and history. Whereunto are added sundry positions about government, and an essay towards a secure settlement. London, 1659. P. 2.

⁴⁰ *Foxley R.* Op. cit. P. 65.

передано в руки тридцати сенаторов, которые избирались пожизненно. Стабб считал, что именно аристократическая модель оказалась наиболее устойчивой в политическом плане и продержалась впоследствии более 700 лет⁴¹. Ответ Харрингтона на письмо Стабба с приведенной выше аргументацией, пренебрежительный по форме и содержанию, был озаглавлен «Достаточный ответ мистеру Стаббу». Он являлся приложением к тексту произведения «Валериус и Публикола» и не был опубликован отдельным изданием⁴².

В уже упомянутой работе «Республика Океания, взвешенная и признанная слишком легкой» Стабб развивает интерпретацию Спарты и ее истории, представленную в его первом письме Харрингтону⁴³. Однако он идет дальше. Во-первых, опираясь на применение на полях письма и воспринимая конституционный строй Спарты как олигархический, Стабб обращается к авторитету различных античных авторов, включая Демосфена и Платона, в поисках свидетельств в поддержку приводимых им аргументов. «Поэтому очевидно, что Лакедемон был не океанической республикой, а олигархией... как называет это Демосфен в том же месте»⁴⁴.

Во-вторых, Стабб четко сформулировал вызовы, которые такой политический строй означал для теории Харрингтона в более общем плане. Тот факт, что систему Ликурга пришлось пересмотреть спустя 130 лет после ее утверждения, поставил под сомнение не только тезис Харрингтона о долговечности изначальной формы правления, но также и его предположение о том, что законодательный институт народного собрания всегда является оптимальным решением для политического развития государства⁴⁵. Кроме того, если Спарта была олигархией, но основывалась на народном балансе земельной собственности, это ставило под сомнение верность всей доктрины Харрингтона о балансе в целом.

В этих условиях решающее значение приобретало корректное историческое объяснение социально-политического феномена Спарты. Согласно предположению Стабба, Харрингтон основывался на ошибочной исторической интерпретации. Славившийся своим знанием греческого языка и цитировавший античные произведения, Стабб указывал на ошибки во взглядах своего оппонента, раскритиковав последнего за то, что тот не обращался к первоисточникам: «Все, что я могу сказать в его оправдание, заключается в том, что, будучи незнакомым с греческим языком и несведущим в истории, он, обращаясь к вторичным источникам, был в данном случае введен в заблуждение»⁴⁶. Харрингтон в ответ утверждал, что непонимание языка является меньшим преступлением, чем непонимание здравого смысла. Он ставил под сомнение как метод рассуждений Стабба, так и его анализ исторических источников⁴⁷.

Очевидно, что Спарта, как и Древний Израиль, в XVII в. являлась объектом разнообразных идеологических интерпретаций и исторических споров. Эти дебаты были связаны с политикой. Хейлин, Стабб и Харрингтон отстаивали каждый свою версию конституционной системы Спарты в целях апологетики тех форм правления, которые казались им предпочтительными в реалиях Англии второй половины XVII столетия — монархии, олигархии или демократии. Модель Лакедемона была в этом смысле весьма привлекательной по причине длительной истории существования этого античного государства. Тем не менее, хотя Спарта, безусловно, обладала ключевыми преимуществами

⁴¹ *Stubbe H.* A Letter to an officer of the Army concerning a select senate... P. 4–6.

⁴² См.: *Harrington J.* Valerius and Publicola: or, the True Form of a Popular Commonwealth Extracted Pursuant to Naturalibus. London, 1659. Текст данного произведения написан в форме диалога, содержащего размышления о республиканской системе правления. При этом в роли Публиколы выступает сам Харрингтон, а в роли Валериуса — его критик.

⁴³ *Stubbe H.* The Common-Wealth of Oceana put into the Balance and Found too Light. Or an Account of the Republic of Sparta, with occasional Animadversions upon Mr. James Harrington and the Oceanistical Model. London, 1660. P. 13–14.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ *Ibid.* P. 10.

⁴⁶ *Ibid.* P. 6.

⁴⁷ *Harrington J.* A Letter Unto Mr. Stubs in answer to his Oceana weighed, &c. London, 1659. P. 2–4.

как политическая система, она также воплощала в себе явный недостаток, о котором свидетельствуют дебаты между этими мыслителями. Данный недостаток заключался в том, что, будучи «смешанным» государством, Спарта была открыта для самых разных идеологических интерпретаций.

Хотя ни один из обсуждаемых здесь мыслителей не придерживался универсального взгляда на Спарту как на аристократическое или «смешанное» государство, позиция Харрингтона была, пожалуй, наиболее уязвимой — не только по причине его ограниченных знаний греческого языка, но и из-за эксклюзивного характера его интерпретации. Институт царской власти отличал Лакедемон от большинства других республиканских моделей. Это предполагало возможность использования данного факта сторонниками монархии, такими как Хейлин, в их полемике с оппонентами. Выделяя монархические элементы спартанской конституционной системы и подчеркивая их стабилизирующий эффект, Хейлин мог приводить данный пример не только в контексте выступлений против ограничений королевской власти, но и для укрепления идеи, что монархия — лучшая форма политического правления. Позиция Стабба была еще более предпочтительной, поскольку в полемике с оппонентами он мог опираться на опыт аристократических институтов Спарты. Ассоциация же этого античного государства с олигархией восходила к древним временам. Главная трудность для Стабба состояла в том, чтобы преодолеть негативное отношение к олигархии, свойственное его эпохе. Однако лишь интерпретация Харрингтона вызвала критику со всех сторон. Новизна его подхода бросала вызов существовавшему на тот момент научному знанию. В то же время Харрингтон ставит под сомнение и некоторые современные ему предрассудки. Например, в XVII в. демократия воспринималась многими политическими мыслителями так же негативно, как и олигархия. Почему Харрингтон обратился к спартанской конституционной системе? Можно предположить, что он намеренно бросал вызов традиционному подходу к истории как к источнику моделей, используемых для дальнейшего продвижения тех или иных политических концепций. Опыт Спарты мог быть очень актуальным в этом контексте. Возможно, в таком случае Харрингтон указывал на предпринимаемые его современниками попытки манипулирования историей в политических целях? Однако существует и другое объяснение. Его интерпретация Спарты как демократического государства, хотя и являлась новаторской и не всегда могла быть убедительно обоснована, служила очень важной задачей. Ассоциируя демократию со Спартой, Харрингтон получал возможность не только связать эту форму правления с политической стабильностью и долговечностью, но также поставить под сомнение более традиционный вариант демократии — афинский⁴⁸. По его мнению, демократия в Афинах на самом деле являлась анархией, так как допускала дебаты в Народном собрании. Как мы уже указывали, подобно Гоббсу, Харрингтон полагал, что предоставление этому институту права обсуждения политических вопросов может привести к хаосу. Таким образом, он стремился переопределить концепцию демократии, сместив акцент со свободных дебатов на народный суверенитет, выразившийся в его основной форме принятием или отклонением законов. Прославление спартанской «демократии» в противовес афинской «анархии» превращалось в мощное средство политической апологетики идеи народовластия.

Можно утверждать, что для Харрингтона прошлое оставалось крепко связанным с настоящим и различием между разными временными периодами философ мог пренебречь. В то же время он расширял границы традиционного подхода к истории. Английский мыслитель делал это с помощью новых интерпретаций конституционных систем республик Древнего Израиля и Спарты и попыток применения данных моделей в современных ему реалиях. Кроме того, Харрингтон использовал опыт античных государств для создания

⁴⁸ В рассматриваемый период подобные идеи можно было встретить у известного республиканца М. Нидхэма, продвигавшего их в своем журнале *Mercurius Politicus*. См.: *Mercurius Politicus*. 1651. № 71. P. 1125–1126; № 73. P. 1158.

теорий, которые могли рассматриваться как в качестве исторической методологии, так и в качестве основы для будущих политических программ. Ключевой идеей, почерпнутой им в процессе изучения истории, являлась фундаментальная взаимосвязь между распределением земли и властью. С целью ее обоснования приводились описания Древнего Израиля и Спарты. В экономическом отношении они основывались на относительно равном разделе земли между гражданами, что обеспечивало, согласно Харрингтону, «аграрный народный баланс»⁴⁹.

Связь между экономическим укладом и политической властью была выявлена не только на основании анализа опыта Древнего Израиля и Спарты. Аналогичные выводы были сделаны и на примере римской истории. Харрингтон использовал свою теорию для объяснения как падения республики, так и нестабильности империи в Риме. По-новому трактуя предположение Макиавелли, что именно земельные проблемы привели к разрушению Римской республики, Харрингтон, опираясь на идеи Кунея, настаивал на том, что отсутствие аграрного баланса обуславливает всю специфику развития Древнего Рима⁵⁰.

Харрингтон широко использовал свою теорию экономических основ политической власти для описания прошлого его родной Англии. При этом, как отмечает Покок, он в значительной степени опирался на труды тех исследователей, которые в рассматриваемый период изучали историю феодализма. Ученый считает, что знание Харрингтоном позднего Средневековья было недостаточным, однако он признает успехи, которых добился английский мыслитель в расширении традиционных исторических подходов эпохи Ренессанса и попытке рассмотрения примеров прошлого как звеньев в общей цепи причинно-следственных связей. Принцип, касающийся взаимосвязи и взаимозависимости земли и власти, превратился в трудах Харрингтона в «ключ, открывающий устройство всего хода западной истории»⁵¹. По мнению последнего, готы и вандалы, разрушившие Римскую империю, наделили значительной экономической властью свою знать. Именно эта «готская» система пришла в Англию с саксами в V–VI вв. Хотя в более поздний период английской истории Вильгельм Завоеватель и некоторые из его преемников стремились к абсолютизму, им не удалось достичь своих целей, так как экономические основы государственного устройства страны не соответствовали создаваемой ими политической системе. Вместо этого средневековая Англия была охвачена конфликтом между знатью и королем. Харрингтон считал, что народное представительство в «витане» (законосовещательном органе при короле) имело место при саксах. После нормандского завоевания его роль значительно уменьшилась. В конечном итоге конфликт между знатью и монархом привел к краху всей политической системы. Опираясь на изложение английской истории Фрэнсисом Бэконом, Харрингтон утверждал, что данный процесс начался в период правления Генриха VII (1485–1509)⁵². «Этот король благодаря своей природной утонченности, сразу же приняв во внимание масштаб власти баронов и непостоянство их благосклонности, начал находить еще один изъян в таком виде правления, который также отмечал Макиавелли, а именно, что на трон, поддерживаемый знатью, не так трудно взойти, как сделать его своим насиженным местом»⁵³... В результате Панург (в системе «зашифрованных» имен Харрингтона это король Генрих VIII. — Д.К.), ослабляя власть дворянства, стал причиной того, что ситуация изменилась в пользу народа. Это произошло благодаря тем нескольким статутам, вышедшим в его правление, которые были приняты в поддержку народа, против вассалов и в пользу огораживания»⁵⁴.

⁴⁹ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 107.

⁵⁰ *Ibid.* P. 106–107.

⁵¹ *Pocock J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1957. P. 128, 139, 144.

⁵² *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / пер. с англ. В.Р. Рокитянский и др.; ст. и общ. ред. М.А. Барг; коммент. В.Р. Рокитянский. М., 1990. С. 49–50.

⁵³ Отсылка к четвертой главе «Государя» Макиавелли. См.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 12–13.

⁵⁴ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 54–55.

Можно утверждать, что все рассмотренные примеры подразумевают подход к прошлому с точки зрения историзма. Это означает, что Харрингтон принял идею развития, постепенных изменений, происходящих с течением времени. Он понимал, что экономические и социальные основы Англии в XVII в. коренным образом отличались от таковых в Средневековье. Отсюда следовало признание того, что для его эпохи уместна иная политическая система, чем для предшествовавших исторических периодов. Однако это не делает прошлое неактуальным для настоящего, поскольку именно те явления, которые произошли в прошлом, вызвали цепь причинно-следственных связей и определили форму правления, которая существует в настоящем. Постепенно Харрингтон пришел к идее выявления данных причинно-следственных связей. Главная цель «Второй части предварительных замечаний» в трактате «Республика Океания» состояла в том, чтобы объяснить причины Гражданской войны в Англии⁵⁵. Подход Харрингтона к этой проблематике отличался от подходов подавляющего большинства политических мыслителей его эпохи.

Наиболее распространенным аргументом, который использовали современники Харрингтона, пытаясь объяснить трагические события середины XVII в. в Англии, был провиденциальный. Обе стороны конфликта описывали Гражданскую войну как наказание свыше за аморальное или безбожное поведение. Харрингтон при рассмотрении причин войны также иногда использовал язык Божественного права, но он был склонен подчинять его своим экономическим аргументам. Полемизируя с Хейлином в одной из своих работ, он признавал, что монархия существует в соответствии с Божественным правом, но баланс собственности при этом соответствует данной форме правления⁵⁶.

Однако существовали и другие объяснения истоков конфликта, более соответствующие современному пониманию исторической причинности. Советник королей Карла I и Карла II, лорд-канцлер Англии в 1658–1667 гг., 1-й граф Кларендон Эдвард Хайд в своей книге «История мятежа» предвосхитил ревизионистские интерпретации Гражданской войны исследователей XX в., сосредоточившись на ее краткосрочных причинах и подчеркнув роль, которую сыграли в развязывании этого конфликта случайности и непредвиденные обстоятельства: «Ибо я не так зорек, как те, кто разглядел этот мятеж, затеявшийся со смерти королевы Елизаветы (если не раньше) и разжигаемый несколькими принцами и великими государственными министрами в христианском мире до того времени, когда он прекратился»⁵⁷.

Понимание Харрингтоном истоков Гражданской войны было иным. Во-первых, при анализе ее начального периода он уделял мало внимания случайностям и непредвиденным обстоятельствам. Во-вторых, в отличие от графа Кларендона, Харрингтон отдавал предпочтение долгосрочным, а не краткосрочным причинам, прослеживая истоки Гражданской войны вплоть до социально-политических изменений, произошедших в периоды правления Генриха VII и Генриха VIII (1509–1547), т.е. более чем за столетие до 1642 г. В-третьих, и это самое важное, Харрингтон признает гораздо более сложную взаимосвязь между человеческим фактором и структурными изменениями в разных сферах. Внутренняя политика Генриха VII, направленная на ограничение власти дворянства, запустила процесс, в ходе которого начался переход земельной собственности от аристократии к народу. Роспуск монастырей Генрихом VIII и передача церковных земель частным владельцам способствовали этому процессу. Следовательно, если в XV в. структура землевладения в Англии соответствовала ее политической системе — «смешанной» монархии, к XVII в. это было уже далеко не так. По сравнению с предшествовавшими столетиями в рассматриваемый период народ владел большим количеством земли, чем монарх, дворянство и Церковь, вместе взятые, что привело к изменению аграрного баланса и способствовало кризису монархии

⁵⁵ Ibid. P. 43–68.

⁵⁶ Heylyn P.H. The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion... P. 12.

⁵⁷ Hyde E. Earl of Clarendon, Selections from the History of the Rebellion & the Life by himself / ed. H. Trevor-Roper. Oxford, 1978. P. 3.

и становлению республики. Гражданская война являлась прямым следствием этой долгосрочной экономической трансформации, служившей, согласно Харрингтону, основанием для осознания народом своей политической силы⁵⁸.

Некоторые современники Харрингтона критиковали его исторические методы. Например, Рен обвинял своего оппонента в том, что он «рассуждает о несущественном и неуместном или утверждает, что, если чего-то еще не было, этого не может быть никогда»⁵⁹. Данное обвинение было частью более широкой дискуссии относительно вопроса о том, в чем может выражаться истинная и достоверная презентация научных фактов или естественных явлений. Рен и его коллеги были склонны настаивать на механических объяснениях последних и утверждать, что законы природы, ими управляющие, могут быть представлены только математическим путем. Харрингтон не был в этом убежден. Он настаивал, что существуют другие надежные формы доказательств, помимо математических⁶⁰. Харрингтон также полагал, что даже Гоббс признает его правоту, поскольку утверждает в «Элементах философии», что «всякое истинное рассуждение, которое берет свое начало из истинных принципов, порождает науку и является истинной демонстрацией»⁶¹. Харрингтон настаивал на том, что Гоббс относит данное утверждение к искусству и политике, а также к математике. В данном случае он лукавил, поскольку в «Элементах» Гоббс различает два типа знания: благоразумие и разумность. Первое, основанное на фактическом опыте, позволяет «строить догадки по-настоящему о том, что было в прошлом и что грядет». По-видимому, это похоже на то, к чему Харрингтон стремился в своем изучении истории. Однако целью Гоббса в «Элементах» было продемонстрировать превосходство разума, который философ определял, как «знание об истинности утверждений и о том, как называются вещи», а также его применимость не только в рамках естественных наук, но и в «гражданской науке» или политике⁶².

Харрингтон изложил основной принцип собственных политических рассуждений в следующих терминах: «То, что всегда было так и никак иначе и все еще остается так и никак иначе, всегда останется так и никак иначе». В этом, по его мнению, мы можем быть так же уверены, как и в других научных принципах⁶³. Харрингтон использовал аналогию Гоббса, которую приводил в начале своей «Республики Океания». Гоббс критиковал Аристотеля и Цицерона за то, что они строили свой анализ конституционных систем, отталкиваясь не от законов природы, а от политических практик, актуальных для их государств, что можно сравнить с действиями грамматиков, извлекающих правила языка из произведений поэтов. Харрингтон дополняет критику Гоббса собственной аналогией, предположив, что ситуацию можно уподобить утверждению, что Уильям Гарвей открыл циркуляцию крови не на основе законов природы, а исходя из анатомии конкретного тела. При этом Харрингтон указывает, что речь идет об очень важных вещах. Во-первых, он оспаривает мысль Гоббса, что древним было недоступно постижение законов природы и политики. Во-вторых, он утверждает, что законы, будь то научные или политические, не могут основываться только на абстрактных рассуждениях. В обоих случаях имеет смысл учитывать конкретные примеры. Для анатомов, подобных Гарвею, это человеческие тела. Для политических мыслителей (или «политических анатомов», по выражению философа), таких как сам Харрингтон, примерами служат исторические и современные ему конституционные модели и опыт их развития⁶⁴.

⁵⁸ *Harrington J.* The Political Works of James Harrington. P. 54–55.

⁵⁹ *Wren M.* Monarchy asserted, or The State of monarchicall and popular Government; in Vindication of the Considerations upon Mr. Harrington's Oceana. 2nd ed. London, 1660. P. 149.

⁶⁰ *Harrington J.* Politicaster: Or, a Comical Discourse, in Answer unto Mr. Wren's Book, Intituled, Monarchy Asserted, Against Mr. Harrington's Oceana. London, 1659. P. 39–40.

⁶¹ *Ibid.* P. 41.

⁶² *Hobbes T.* The Elements of Law Natural and Politic / ed. F. Tonnies. Cambridge, 1928. P. 19–20, 139; *Skinner Q.* Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996. P. 259–260.

⁶³ *Harrington J.* Politicaster... P. 47–48.

⁶⁴ *Ibidem.*

* * *

Таким образом, споры об истории имели решающее значение для политической теории Харрингтона. Эта полемика давала ему возможность повторять и продвигать собственные идеи и представлять их читательской аудитории. В дебатах с другими политическими мыслителями Харрингтон нередко прибегал к таким приемам, как риторические уколы оппонентов в выборе формата текстов и в их названиях. Однако были и другие способы, посредством которых исторические споры становились инструментом для подтверждения и дальнейшего развития политических аргументов и теории философа. Анализируя республиканские формы правления в Древнем Израиле и Спарте, Харрингтон сознательно подчеркивал их демократический характер, что, в свою очередь, использовалось для поддержки его призывов к народовластию. В своей апологетике демократии философ указывал на стабильность и долговечность двух представленных выше моделей. Однако речь шла о чем-то большем, чем традиционное использование конституционных систем прошлого для развития политической аргументации, так как характеристика Харрингтоном Древнего Израила и Спарты была во многом уникальной и включала в себя не только новую интерпретацию их государственного строя, но и трансформацию самого языка политики. Ассоциируя демократию со Спартой, а не Афинами, Харрингтон пытался сместить акценты в общепринятом определении этого термина с практики народных дебатов в сторону суверенитета народа как основы республиканского строя. Интерпретируя «Республику Израила» как демократическую, он обращался к возможности использования Божественной санкции для легитимации наиболее справедливой, с его точки зрения, политической системы.

Харрингтон также использовал собственный анализ исторической динамики процессов и явлений для разработки политических теорий. Его описание событий прошлого предоставляло средства для раскрытия принципов, влияющих на устойчивость или хрупкость конституционных систем. В рамках исторического подхода Харрингтона моральная несостоятельность человека и провиденциальная воля всемогущего Бога уступают место материальным (и, следовательно, неморальным) причинам и скорее интеллектуальным, чем моральным провалам и достижениям людей. Упомянувшаяся в статье известная теория Харрингтона о взаимосвязи между экономической и политической властью основывалась на историческом анализе и применялась как для объяснения событий прошлого, так и для обоснования будущих политических действий. Как мы видели, он использовал эту теорию для объяснения кризиса 40–50-х годов XVII в. в Англии. Объяснение Харрингтоном причин Гражданской войны было характерным для его времени, но одновременно напоминающим современные исторические интерпретации. Ричард Генри Тоуни и некоторые другие исследователи рассматривали Харрингтона как предшественника материалистической концепции истории, развитой затем Марксом и его последователями⁶⁵. При этом интересно отметить, что обоснованность и целостность аргументации Харрингтона пережили даже упадок марксистских исторических интерпретаций в конце XX в. Безусловно, описание английского философом упадка феодализма в XVII в. неприемлемо для нынешних ученых. Его терминология отличается от современной, а объяснения носят достаточно упрощенный и схематичный характер. Однако, по мнению ряда исследователей, заявка Харрингтона на общую характеристику всего хода европейской истории с помощью анализа ряда причинно-следственных связей имевших место в прошлом событий и процессов не может не вызывать уважения и действенного научного интереса к его интеллектуальному наследию и в наши дни.

⁶⁵ *Tawney R.H. Harrington's Interpretation of His Age // Proceedings of the British Academy. 1941. Vol. 27. P. 199–223.* Хорошее классическое историографическое описание идей Харрингтона с точки зрения развития материалистической интерпретации истории на русском языке можно найти в монографии Юрия Михайловича Сапрыкина. См.: *Сапрыкин Ю.М. Политическое учение Харрингтона: из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975. С. 6–14.*

Таким образом, описание Харрингтоном прошлого включало в себя как старые, так и новые подходы. С одной стороны, он отталкивался от традиционной методологии, ориентированной на настоящее и рассматривающей историю как «служанку политики». В ее рамках целью обращения к событиям прошлого становилось как осмысление настоящего, так и создание лучшего будущего. С другой стороны, Харрингтон обладал развитым ощущением и пониманием исторической динамики. Он демонстрировал осведомленность о социальных и политических процессах, имевших место в прошлом, и причинно-следственных связях между ними. В некотором отношении его аргументы предвосхищают более поздние, развитые исторические интерпретации. В случае с Харрингтоном интересен тот факт, что разные составляющие его концепции, его общий подход к предмету часто расходятся с республиканской традицией и практикой других авторов того времени, относящихся к этому направлению. Его взгляд на Спарту отличался от взгляда Стабба. В противоположность Мильтону Харрингтон использует модель «Республики Израила», чтобы отстаивать демократический суверенитет, а не республиканскую исключительность. Более того, его отношение к аграрным законам и той роли, которую они играли в Древнем Риме, прямо противоречит взглядам, выраженным Макиавелли и Нидхэмом. Он также был склонен давать скорее материальные объяснения историческим изменениям, чем моральные, которые удобнее вписывались в концепцию развития и упадка республиканской этики добродетели. Наконец, несмотря на его почтение к Макиавелли, очевидно, что Харрингтон в какой-то степени отошел от позиции, согласно которой прошлое и настоящее являются неразрывным целым. Хотя Римская республика оставалась полезным арсеналом для выбора данных, на основе которых Харрингтон мог разрабатывать и проверять свои теории, в его работах она уже не рассматривается как модель для политических действий, как это было у Макиавелли. Подобное использование как древних, так и современных для его эпохи политических практик и поиск золотой середины между различными идеологическими позициями, например между республиканцами и роялистами, можно рассматривать как важную особенность работ Харрингтона, проявляющуюся в его подходах не только к истории.

Библиография / References

- Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М., 1977.
- Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / пер. с англ. В.Р. Рокитянский и др.; ст. и общ. ред. М.А. Барг; коммент. В.Р. Рокитянский. М., 1990.
- Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
- Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде правления Тита Ливия // Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998.
- Покоч Д.Г.А.* Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция. М., 2020.
- Сапрыкин Ю.М.* Политическое учение Харрингтона: из истории идейно-политической борьбы в годы Английской буржуазной революции XVII века. М., 1975.
- Bacon F.* Istoriia pravlenia korolia Genriha VII [The history of the reign of king Henry the Seven] / per. s angl. V.R. Rokitianskii i dr.; st. i obshch. red. M.A. Barg; komment. V.R. Rokitianskii. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Bragina L.M.* Italianskii gumanizm. Eticheskie uchenia XIV–XV vekov [Italian humanism. Ethical teachings of the 14th–15th centuries]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Machiavelli N.* Gosudar' [The Prince]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Machiavelli N.* Rassugdenia o pervoy decade pravlenia Tita Livia [The Discourses on the First Ten of Titus Livy] // Machiavelli N. Sochinenia [The Works]. Sankt-Peterburg, 1998. (In Russ.)
- Pocock J.G.A.* Moment Machiavelli. Politicheskaya mysl' Florentsii i atlanticheskaja respublikanskaia traditsiia [The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Saprykin Ju.M.* Politicheskoe uchenie Garringtona: iz istorii ideino-politicheskoi bor'by v gody Angliiskoi burzhuaaznoi revoliutsii XVII veka [The political doctrine of Harrington: from the history of the ideological and political struggle during the years of the English bourgeois revolution of the 17th century]. Moskva, 1975. (In Russ.)

- Baron H.* In Search of Florentine Civic Humanism: in 2 vols. Vol. 2. Essays on the Transition from Medieval to Modern Thought. Princeton, 1988.
- Blitzer C.* An Immortal Commonwealth: The Political Thought of James Harrington. New Haven, 1960.
- Boralevi L.C.* James Harrington's "Machiavellian" anti-Machiavellism // History of European Ideas. 2011. Vol. 37. № 2. P. 113–119.
- Burrow J.W.* A History of Histories: Epics, Chronicles, Romances & Inquiries from Herodotus and Thucydides to the Twentieth Century. Harmondsworth, 2007.
- Foxley R.* Sparta and the English Republic // Classical Receptions. 2016. Vol. 8. № 1. P. 54–70.
- Harrington J.* Pian Piano. Or, Intercourse between H. Ferne, Dr. in Divinity and J. Harrington, Esq. Upon occasion of the Doctors Censure of the Common-Wealth of Oceana. London, 1656/57.
- Harrington J.* The Prerogative of Popular Government. London, 1657/58.
- Harrington J.* The Stumbling-Block of Disobedience & Rebellion Cunningly imputed by P.H. unto Calvin, removed in a Letter to the said P.H. from J.H. London, 1658.
- Harrington J.* The Art of Law-giving: in 3 vols. Vol. II. London, 1659.
- Harrington J.* A Letter Unto Mr. Stubs in answer to his Oceana weighed, &c. London, 1659.
- Harrington J.* Politicaster: Or, a Comical Discourse, in Answer unto Mr. Wren's Book, Intituled, Monarchy Asserted, Against Mr. Harrington's Oceana. London, 1659.
- Harrington J.* Valerius and Publicola: or, the True Form of a Popular Commonwealth Extracted E purs Naturalibus. London, 1659.
- Harrington J.* The Oceana and other works of James Harrington Esq; Collected, Methodiz'd, and Review'd, with an Exact Account of his Life prefixed, by John Toland. To which is added, an Appendix, containing all the Political Tracts wrote by this Author, Omitted in Mr. Toland's Edition. London, 1737.
- Harrington J.* The Political Works of James Harrington: in 2 vols. Vol. 1 / ed. J.G.A. Pocock. Cambridge, 1977.
- Heylyn P.H.* The Stumbling-Block of Disobedience and Rebellion, Cunningly laid by Calvin in the Subjects way, Discovered, Censured, and Removed. London, 1658.
- Heylyn P.H.* Certamen Epistolare, or the Letter-Combat. London, 1659.
- Hobbes T.* The Elements of Law Natural and Politic / ed. F. Tonnies. Cambridge, 1928.
- Hyde E.* Earl of Clarendon, Selections from the History of the Rebellion & the Life by himself / ed. H. Trevor-Roper. Oxford, 1978.
- Nelson E.* The Hebrew Republic: Jewish Sources and the Transformation of European Political Thought. Cambridge, 2010.
- Pocock J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1957.
- Pocock J.G.A.* Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History. Cambridge, 1971.
- Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.
- Skinner Q.* Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996.
- Smith N.* Literature and Revolution in England, 1640–1660. New Haven, 1994.
- Stubbe H.* A Letter to an officer of the Army concerning a select senate mentioned by them in their proposals to the late Parliament. The necessity and prudentialness of such a Senate is here asserted by reason and history. Whereunto are added sundry positions about government, and an essay towards a secure settlement. London, 1659.
- Stubbe H.* The Common-Wealth of Oceana put into the Balance and Found too Light. Or an Account of the Republic of Sparta, with occasional Animadversions upon Mr. James Harrington and the Oceanistical Model. London, 1660.
- Tawney R.H.* Harrington's Interpretation of His Age // Proceedings of the British Academy. 1941. Vol. 27. P. 199–223.
- Wren M.* Monarchy asserted, or The State of monarchicall and popular Government; in Vindication of the Considerations upon Mr. Harrington's Oceana. 2nd ed. London, 1660.
- Wren M.* Considerations on Mr. Harrington's Common-wealth of Oceana. London, 1657.